

В.И.Амбразас (Вильнюс)

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНИХ БАЛТО-ФИНСКИХ КОНТАКТОВ В СИНТАКСИСЕ ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Одной из синтаксических изоглосс, охватывающих восточнобалтийские и некоторые прибалтийско-финские языки, является употребление отглагольных именных форм для выражения косвенно воспринятого, чаще всего пересказанного действия. Включение таких форм в глагольные парадигмы в литовском и латышском языках привело к образованию косвенного наклонения (modus relativus). Косвенное наклонение в восточнобалтийских языках развилось на основании предикативной функции причастий (по происхождению - отглагольных имен), унаследованной от индоевропейской языковой общности. Однако модальное переосмысление предикативных причастий здесь протекало, по-видимому, в условиях тесных контактов с прибалтийско-финскими языками.

Сравнение литовско-латышского косвенного наклонения с соответствующими по значению оборотами эстонского (kaudne kõneviis) и ливского языков указывает на общность семантической категории косвенно воспринятого действия, или пересказочности, которая в сравнительно небольшом и закрытом ареале, занимающем часть восточного побережья Балтийского моря, реализуется различными отглагольными формами: причастиями (литовский, латыш-

Краниологические серии Литвы П-V вв. н.э. (женские черепа)

Таблица 2

№ по Мар-тину	Признак	Группы могильники Литвы П-V вв.		Группы могильники Литвы П-V вв. н.э. (женские черепа)	Восточные памятники pottery Ш-V вв.	Вайтекунай, литве	Группы могильники Литвы П-V вв.	
		Западная группа	Восточная группа				Западная группа	Восточная группа
I	Е-ор	182,8 (5)	183,2 (60)	171,0 (1)	184,0 (8)	182,2 (5)	180,3 (10)	
8	eu-eu	133,4 (5)	133,2 (59)	133,0 (1)	133,0 (8)	131,6 (5)	132,3 (10)	
8:1	I1	73,0 (5)	72,8 (58)	77,8 (1)	72,3 (8)	72,5 (5)	73,2 (10)	
I7	ba-b	133,4 (5)	133,0 (46)	125,0 (1)	132,2 (6)	134,0 (4)	130,7 (9)	
45	zy-zy	127,0 (6)	123,4 (36)	117,0 (1)	124,1 (8)	122,0 (5)	122,4 (8)	
48	n-pr	68,6 (5)	66,3 (46)	58,0 (1)	67,1 (7)	67,5 (2)	64,9 (8)	
48:45	I39	55,8 (5)	54,1 (34)	49,6 (1)	54,0 (7)	57,4 (2)	53,4 (7)	
51	st-ek	42,2 (5)	41,1 (46)	43,0 (1)	42,6 (7)	42,5 (4)	39,7 (8)	
52	akid.a.	32,8 (5)	31,2 (46)	30,0 (3)	30,7 (7)	31,2 (6)	32,0 (8)	
52:51	I42	77,7 (5)	76,2 (46)	69,8 (1)	72,1 (7)	71,2 (4)	80,7 (8)	
54	nl-nl	24,7 (5)	23,7 (42)	24,5 (1)	24,8 (7)	24,0 (6)	23,4 (8)	
55	n-n	48,4 (6)	47,6 (44)	44,0 (1)	49,3 (7)	49,0 (6)	47,7 (8)	
54:55	I48	50,8 (5)	50,1 (41)	55,7 (1)	51,5 (6)	48,9 (6)	49,1 (8)	
75(1)	DS:DC	19,0 (3)	25,7 (21)	-	21,7 (3)	23,0 (3)	26,0 (2)	
77	SS:SC	51,5 (2)	55,1 (33)	-	53,3 (6)	59,4 (4)	63,6 (1)	
	nm 1	36,5 (3)	44,3 (33)	-	39,5 (6)	36,7 (4)	47,7 (3)	
	zm 4	139,8 (3)	137,4 (34)	142,0 (1)	139,3 (7)	130,6 (4)	135,4 (5)	
		126,0 (4)	124,4 (29)	123,3 (1)	125,9 (6)	119,1 (4)	123,6 (2)	

ский), деепричастиями (латышский, эстонский), инфинитивами (эстонский), отглагольными существительными (ливский). Генетически тождественными среди них являются только литовские и латышские формы.

Грамматическое оформление семантической категории пересказанности в балтийских языках может быть отнесено к эпохе движения балтийских племен на север, в области, населенные предшественниками ливов и эстонцев, т.е. к У-УІ вв. н.э. В это время прибалтийско-финское языковое единство уже не существовало, а восточнобалтийские языки еще образовывали такую общность, в которой новые явления могли свободно распространяться.

Степень интенсивности употребления косвенного наклонения в восточнобалтийских языках до сих пор примерно соответствует близости их связей с прибалтийско-финскими языками: оно наиболее употребительно в латышском языке и в западных, северных и северо-восточных говорах литовского языка, т.е. в зонах контактов литовского языка с селонским и куршским языками, теснее связанными с прибалтийско-финскими; в южной Литве страдательные причастия в формах среднего рода значение пересказанности имеют уже гораздо реже, чем действительные причастия в восточноаукштайтских и жямайских говорах. Это позволяет предполагать, что категория пересказанности в балтийских языках распространялась с севера на юг.

Образование косвенного наклонения на основании древней предикативной функции отглагольных имен можно считать ярким примером распространения и грамматикализации тождественной семантической категории в контактных областях прямо неродственных языков.

О СЕЛОНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СУБСТРАТЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЕ

Как признают историки и языковеды - специалисты по истории балтийских языков - в первом тысячелетии и в начале второго тысячелетия нашей эры в северо-восточной Литве обитали селоны, а точнее - южная часть этого племени. Таким образом, северо-восточную Литву и юго-восточную Латвию в это время населяло одно племя - селоны.

О селонском языковом субстрате в северо-восточной Литве писали классики балтийского языкознания К.Буга и Я.Эндзелин, а в наши дни на некоторые языковые явления в северо-восточной Литве, которые можно объяснить влиянием селонского языкового субстрата, обратили внимание С.Каралинас и А.Брейдак. Но до сих пор не имеется всестороннего исследования по этому вопросу. Не претендуя на всеобъемлющий анализ этой проблемы, в своем докладе мы рассмотрим лишь некоторые фонетические явления северовосточнолитовских говоров, которые с большей или меньшей долей вероятности можно объяснить влиянием селонского языкового субстрата.

1. Д и с т р и б у ц и я г л а с н ы х $\text{ɔ} : \text{a}$. В аникитенском и купшкенском говорах в ударном неоконечном слогом наличествует гласный ɔ (точнее o или a) вместо литературного a , в неударном же неоконечном слогом - гласный a , напр. põmas "дом", но pašai "дома". Аналогичная дистрибуция гласных ɔ (или a): a в зависимости от ударности или неударности позиции наличествует и во многих селонских (и латгальских) говорах, напр., vosara или vavara "лето". Разумеется, закон ди-